

ОТЗЫВ

официального оппонента Тихоновой Елены Леонардовны
о диссертации Чжан Жуяна «**Фольклор русских Трёхречья как основа
этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–
2019 гг.)**», представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика

«Вопросы крови самые сложные вопросы в мире!»

(М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

Я не случайно предварила отзыв словами М.А. Булгакова. Они отражают суть проблемы, которую пришлось решать соискателю в его диссертационном исследовании.

Диссертация Чжан Жуяна «Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.)» продолжает традицию изучения национальной культуры русских Трёхречья, является результатом пятилетней работы по сбору фольклора китайских русских, зафиксированного диссертантом на двух языках, и посвящено исследованию традиционных жанров русского фольклора, семейных мемораторов, ритуально-обрядовых пластов фольклора китайских русских, в совокупности являющих собой один из основных маркеров этнической идентичности русских Трёхречья в иноэтническом окружении.

Значимость диссертационного исследования Чжан Жуяна, написанного на живом полевом материале последних лет, трудно переоценить. Не случайно изложение актуальности темы диссертации занимает почти 4 страницы (сс. 6-9 диссертации). Сразу скажем, что тема диссертации не просто актуальна, она животрепещуща актуальна, поскольку объект исследования исчезает на глазах. Чжан Жуян констатирует: «Наши трёхреченские информанты не пишут и не читают по-русски, их дети с трудом понимают русский язык, внуки не говорят по-русски вообще» (с. 6). А утрата языка для этнической группы влечет за собой исчезновение самой группы.

Не вызывающими сомнений в их актуальности представляются и многие аспекты исследования: *исторический аспект* фольклористических изысканий, отражающий этапы формирования русского анклава на территории исследуемого региона; *теоретический аспект*, затрагивающий саму природу устного народного творчества, особенности бытования и функционирования отдельных фольклорных жанров, их место в целостной жанровой системе; *этнокультурный* и *этнопсихологический* аспекты, выводящие диссертационное исследование на уровень решения проблемы этнической идентичности китайских русских; *синхронический* и *диахронический* аспекты, дающие возможность полноценной реконструкции сложных процессов этнической идентификации представителей русской народности Китая на синхроническом и диахроническом уровнях; *визуально-антропологический* аспект (изучение семейных меморатов по фотоколлекциям), позволяющий определить, какую долю в рассказах по фотографиям занимает китайский и какую – русский компонент идентичности метисированного анклава русской народности. Такая многоаспектность в исследовании фольклора русских Трехречья позволяет, во-первых, утверждать, что тема диссертации рассмотрена с разных сторон, и, во-вторых, говорить о достойной научной квалификации диссертанта.

Не могу не согласиться с Чжан Жуяном в том, что особенно актуальна проблема бытования русского фольклора (а в диссертации именно фольклор рассматривается как основной маркер этнической идентичности) в условиях, с одной стороны, консервации фольклорных жанров в жизни русского анклава на территории китайского Трёхречья, с другой – взаимодействия этих жанров с инокультурными элементами, в первую очередь, – китайскими (с. 6).

На с. 7 диссертации Чжан Жуян обоснованно подходит к толкованию ключевого понятия своего исследования – этнической идентичности. Он пишет: «Под этнической идентичностью (этнической идентификацией) понимается "осознание своей принадлежности к определенному народу,

поиски его особенностей", его этнокультурной самобытности» (с. 7). Хотелось бы понять, различает ли диссертант понятия "идентичность" и "идентификация". Складывается впечатление, что для диссертанта эти понятия как минимум синонимичны, а то и тождественны. Между тем, эти понятия обозначают не одно и то же. Идентификация – это процесс отождествления человеком себя с какой-либо группой или с каким-либо этносом, если это этническая идентификация, а идентичность – это уже результат идентификации, состояние человека, представление о себе как участнике какой-либо группы. Как отмечал выдающийся психолог Эрик Эриксон (кстати, автор термина «кризис идентичности»), идентичность (результат) начинается там, где заканчивается идентификация (процесс). Хотя справедливо ради надо сказать, что в формулировке задач исследования в задаче под № 2 диссертант разводит эти понятия: «Изучить <...> проблемы этничности и этнической идентификации русского анклава в данном регионе» (с. 21).

Оценивая работу Чжан Жуяна, нельзя обойти вниманием усилия, которые приложил диссертант при работе над диссертацией, переводя с китайского на русский язык труды ведущих китайских специалистов в области фольклора и этнографии. Об этом свидетельствует первая глава диссертации **«Культурно-исторические, этносоциальные и этнокультурные условия складывания системы фольклорных жанров русских Трёхречья»**, в которой по материалам русских и китайских исследователей рассматриваются исторические, социокультурные, социально-политические условия формирования русского анклава на территории Трёхречья (раздел 1), а также проблема этнической идентификации и самоидентификации русского анклава Трёхречья на современном этапе (раздел 2).

Если 1-ый раздел I главы показался перегруженным цитатами, что придает ему реферативный характер, не нивелирующий, однако, его познавательной ценности, то 2-ой раздел I главы содержит в себе очень

интересные наблюдения и важные (объективные) выводы диссертанта о жизни современных китайских русских Трехречья. В частности, Чжан Жуян констатирует, что формально, по записям в домовых книгах или паспортах, многие потомки смешанных браков отнесены к русским. Фактически же многие из них живут «китайской» жизнью, индифферентны по отношению к своим русским корням и к русской культуре в целом (с. 53).

Но многие – это не все. Поэтому далее автор делает вывод о том, что «фольклорная традиция и обрядовая жизнь являются насущной жизненной практикой русских Трёхречья» (с. 61) и считает необходимым вести разговор о маргинальной этничности китайских русских, с чем я полностью согласна.

Большой интерес представляет вторая глава **«Актуальные жанры фольклора как выражение этнической идентификации русских Трёхречья (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.)»**, которая посвящена исследованию проблемы функционирования фольклорных жанров в среде китайских русских на современном этапе. И сразу же хотелось бы обратить внимание на использование в названии главы термина *идентификация*: в данном случае уместнее использовать термин *идентичность*, так как выразить (в том числе, при помощи фольклора) можно состояние (души), но не процесс.

В первом разделе второй главы «"Старинны" и "новы" песни в фольклоре русских Трёхречья» представлен актуальный для трехреченцев песенный репертуар и его анализ. Как справедливо отмечает диссертант, «*знание содержания песен и их исполнение имеет в среде метисированного населения коммуникативное, мнемоническое и этноидентифицирующее значение*» (с. 80). Раздел содержит очень тонкие и интересные наблюдения над содержанием песен, их исполнением. Например, песня *«На изморе мы стояли, на германском берегу»*, в которой стратегическое *на изморе* (взять измором) в советских сборниках трансформировано в *на взморье мы стояли* (с. 67); или знаменитый «Варяг», где незнакомое исполнителям название крейсера «Варяг» подвергается звуковой интерпретации – *моряк* (с. 73). И

таких интересных наблюдений в разделе много. Я сознательно не буду останавливаться на проблемных вопросах жанровой классификации представленных для анализа песен, так как акцент в разделе делается все-таки на русской песне (любого жанра) как этноидентифицирующем для русских Трёхречья компоненте фольклорной традиции. Внушает некий оптимизм заключение диссертанта о том, что «исполнение лирических песен трёхреченцами – традиция живая, объединяющая полукровцев на эмпатическом уровне» (с. 78).

Во втором параграфе второй главы «Припевки русских Трёхречья» исследуются циклы частушек (припевок), актуальных в среде современных русских трёхреченцев. Произведенные в том числе автором диссертации записи частушек на любовную, семейную тематику, «саромски» припевки, тематические блоки частушек о русско-китайских браках, о колхозной жизни и т.д. свидетельствуют, что частушки (припевки) как жанр в современной фольклорной реальности Трёхречья всё еще весьма актуальны в среде русских представителей второго и третьего поколения (с. 98) и, следовательно, не утратили своей этноидентифицирующей функции.

Третий раздел второй главы «Отражение процессов этнической идентификации русских Трёхречья в прозаических жанрах фольклора» посвящен анализу сказочных и несказочных жанровых фольклорных форм.

Анализируя сказки, записанные от потомков русских трехреченцев, Чжан Жуян приходит к выводу, что «сказочная проза трёхреченских русских представляет собой удивительную контаминацию древней тотемистической мифологии, традиционных сюжетов волшебной и кумулятивной сказки, региональных мотивов». Правда, не совсем понятно, какие мотивы автор диссертации считает региональными и в каких конкретно сказках их усматривает. Также не совсем понятно, в чем проявляется "местный колорит" в сказке «Петушок и жернова», которая, по словам диссертанта, превращается в сказку «Петя-Петух»: колорит там действительно русский

(мука, блин да колоб, баня и проч.), но в чем он «местный», если мы говорим все-таки о русском фольклоре?

Считаем очень значимыми для темы диссертации наблюдения Чжан Жуяна над тем, как исполнительница сказок Анна Первоухина, знающая несколько русских сказок, отказывается их рассказывать собирателю-китайцу (с. 108-109). «В отсутствие русских собеседников Анна ведет себя как человек, выбирающий китайскую этничность в конкретной щекотливой ситуации», – констатирует автор (с. 109).

Далее, анализируя жанры несказочной прозы, диссертант говорит об их большей по сравнению со сказкой распространенностью у русских Трехречья. Мифологические и легендарные рассказы, судя по приведенным в разделе текстам, содержат довольно большой круг традиционных для русской культуры мотивов и образов, что свидетельствует о широком бытовании этих рассказов среди прежних русских жителей Трехречья. Вывод о том, что жанр мифологических рассказов "затухает" (с. 122) считаем несколько преждевременным, о чем свидетельствуют записи самого диссертанта.

Четвертый раздел второй главы «Русско-китайский текст в фольклоре русских Трёхречья как выражение этнокультурной идентичности и самобытности» посвящен рассмотрению механизмов "рождения" условно называемого «русско-китайского текста» в разных жанрах трёхреченского фольклора. Анализ маргинальных «русско-китайских» текстов вызывает особый интерес тем, что этот анализ произведен китайцем (Чжан Жуяном), и произведен филигранно! Я бы, например, со своим русским менталитетом, проанализировала данные тексты иначе (пример на с. 125 «Ты китаец, ты китаец»). В разделе присутствует много других интересных и точных наблюдений диссертанта над маргинальными текстами (например, анализ сказки «Каша из топора» на с. 133-134 и др.)

В третьей главе «Историческая и этнокультурная память этноса в устных историях русских Трёхречья (по материалам полевых

исследований 2015–2019 гг.)» рассматриваются устные рассказы трехреченцев, связанные с исторической памятью китайских русских – семейные мемораты (раздел 1), нарративы к семейным фотоколлекциям (раздел 2), а также устные рассказы о ритуалах переходной обрядности (раздел 3).

Такой способ собирания материала, как интервьюирование, определил типологическое сходство большинства устных рассказов, повествующих о предках (бабушки и дедушки, родители), о том, как те оказались в Трёхречье; рассказы о составе семьи; рассказы о православной вере, о традиционных праздниках. Особо хотелось бы отметить работу Чжан Жуяна по сбору и анализу рассказов трехреченцев о «культурной революции» в Китае: несмотря на боязнь вновь пострадать от официальных властей (с. 152), информанты многое поведали автору диссертации о том, что они пережили во времена «культурной революции». Эта одна из трагических страниц истории русских Китая многое объясняет в ситуации современного бытования русского языка и элементов традиционной русской культуры в Трёхречье.

Во втором разделе третьей главы «Нарративы к семейным фотоколлекциям и проблема этнической идентичности русских Трёхречья» исследуются мемораты, возникающие в ходе просмотра фотографий, в основном, из семейного альбома Дементьевых-Первоухиных. Мемораты представлены на двух языках. В целом фотографические коллекции русского населения Трёхречья представляют собой визуальные хранилища исторической памяти, «народные музеи», свидетельствующие об основных событиях жизни, традициях и обычаях 3-4 поколений русского анклава (с. 180). Ценность подобного метода сбора материала по устной истории русских трехреченцев заключается в том, что «нарративизация фотоколлекции русских Трёхречья дает возможность собирателю эксплицировать некоторые латентно сохраняющиеся в памяти информантов сведения» (с. 181).

В третьем разделе третьей главы «Ритуалы переходной обрядности в устных рассказах русских Трёхречья и проблема этнической идентичности» рассматривается погребальная обрядность китайских русских Трехречья (на материалах фотоколлекции Ивана Дементьева и Анны Первоухиной.). Чжан Жуюн делает закономерный вывод о том, что « в похоронных фотографиях, и в комментариях к ним наших респондентов русский и китайский сценарий погребального обряда и фотографического канона похоронных снимков синкетизированы» (с. 194), как, собственно, и сам обряд.

Таким образом, я полностью согласна с автором диссертации в том, что представленные в третьей главе материалы обладают особой ценностью исторического и этнокультурного характера – как устная история Трёхречья, устная основа сохранения русскими потомками своей исторической памяти.

В заключении подводятся итоги и формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Большую ценность диссертационному исследованию придают приложения, особенно Приложение А Сведение об информантах. Это не просто научный процесс паспортизации, это история жизни многих информантов: в сведениях об информантах сообщается об их родителях, о месте работы, кто кому каким родственником приходится, у кого сколько детей, кто с кем дружит, владеют ли их дети и внуки русским языком, соблюдают ли православные обряды,дается даже характеристика собирателем своим информантам (*очень добрый, искренний человек* (с. 233)) и т.д. Чжан Жуюн проделал большую дополнительную работу, собирая информацию и оформляя подобное приложение. Обратила на себя внимание и лексика приложения: живут ладно (с. 230), любят уснастить речь матершинными шутками-прибаутками (с. 234).

Приложение Б Фотографии информантов дает возможность визуализировать некоторых из тех людей, от которых записаны фольклорные произведения и о которых так подробно рассказывается в приложении А. В

Приложении В приведен иллюстративный материал ко 2-му и 3-ему разделам третьей главы.

Наряду с высказанными в ходе отзыва замечаниями и вопросами хотелось бы уточнить следующие моменты:

- почему в диссертации изложение в некоторых местах ведется от 3-его лица: «В процессе коллективных и индивидуальных экспедиций в Трёхречье Чжан Жуяном собран большой фольклорный материал на китайском языке. Им переведен на русский язык значительный корпус изданий китайских ученых..., в публикациях автора диссертации затронуты проблемы изучения фольклора русского анклава Трёхречья... и др. (с. 18);
- почему записи интервью с информантами включены в список использованной литературы (№№ 58-93).

И последнее:

– в п. 7 Положений, выносимых на защиту, читаем: «<...> Вступая в живое сообщение с местными реалиями, китайской культурной традицией отцов, китайским языком, русский фольклор Трёхречья обогатился и получил новый импульс к развитию» (с. 25). Насчет «обогатился», может быть, и соглашусь (хотя это уже не русские, а маргинальные фольклорные формы), а вот утверждение «получил новый импульс к развитию» звучит слишком оптимистично. Если мы поедем в Русское Трехречье через несколько лет, вряд ли мы застанем фольклорную традицию китайских русских интенсивно развивающейся.

В целом необходимо заключить, что диссертационное исследование Чжан Жуяна является фундаментальным, выполненным на высоком научном уровне фольклористическим исследованием, обладающим несомненной актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью.

Автореферат отражает все положения и выводы, полностью соответствует содержанию и структуре диссертации.

Диссертационное исследование Чжан Жуяна прошло необходимую апробацию: по теме диссертации опубликовано 9 научных работ, в том числе

5 статей в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК. Общий объём опубликованных работ составляет 3,79 п.л.

В качестве квалификационной работы диссертация Чжан Жуяна «Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.)» соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода квалификационным работам и отраженным в п.п. 9-14 "Положения о присуждении ученых степеней", утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., № 842, а ее автор Чжан Жуян без сомнения заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Доктор филологических наук
(по специальности – 10.01.09 – фольклористика),
доцент, старший научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Тихонова Елена Леонардовна

670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, дом 21/1, кв. 16
телефон: 89148443094
e-mail: tipldk@yandex.ru

Подпись Тихоновой Е. Н. заверяю.
Кадр. отд. кадров. Зав. - Тихонова Е. Н. К.